

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://rileyev.ru/> Приятного чтения!

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев

Поэма

..Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria...
Dante {*}

(* Нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье... Данте (ит.).}

А. А. Бестужеву
Как странник грустный, одинокий,
В степях Аравии пустой,
Из края в край с тоской глубокой
Бродил я в мире сиротой.
Уж к людям холод ненавистный
Приметно в душу проникал,
И я в безумии дерзал
Не верить дружбе бескорыстной.
Незапно ты явился мне:
Повязка с глаз моих упала;
Я разуверился вполне,
И вновь в небесной вышине
Звезда надежды засияла.
Прими ж плоды трудов моих,
Плоды беспечного досуга;
Я знаю, друг, ты примешь их
Со всей заботливостью друга.
Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдешь живые чувства, -
Я не Поэт, а Гражданин.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МАЗЕПЫ

Мазепа принадлежит к числу замечательнейших лиц в российской истории XVIII столетия. Место рождения и первые годы его жизни покрыты мраком неизвестности. Достоверно только, что он провел молодость свою при варшавском дворе, находился пажем у короля Иоанна Казимира и там образовался среди отборного польского юношества. Несчастные обстоятельства, до сих пор еще не объясненные, заставили его бежать из Польши. История представляет нам его в первый раз в 1674 году главным советником Дорошенки, который, под покровительством Польши, правил землями, лежащими по правой стороне Днепра. Московский двор решился присоединить в то время сии страны к своей державе. Мазепа, попавшись в плен при самом начале войны с Дорошенком, советами против бывшего своего начальника много способствовал успеху сего предприятия и остался в службе у Самойловича, гетмана малороссийской Украины. Самойлович, заметив в нем хитрый ум и пронырство, увлеченный его красноречием, употреблял его в переговорах с царем Феодором Алексеевичем, с крымским ханом и с поляками. В Москве Мазепа вошел в связи с первыми боярами царского двора и после неудачного похода любимца Сосрии князя Василья Васильевича Голицына в Крым в 1687 году, чтоб отклонить ответственность от сего вельможи, он приписал неуспех сей войны благодетелю своему Самойловичу; отправил о сем донос к царям Иоанну и Петру и в награду за сей поступок был, по проискам Голицына, возведен в звание гетмана обеих Украин.

Между тем война с крымцами не устала: поход 1688 года был еще неудачнее прошлогоднего; здесь в то время произошла перемена в правлении. Владычество Софии и ее любимца кончилось, и власть перешла в руки Петра. Мазепа, опасаясь разделить несчастную участь с вельможею, которому он обязан был своим возвышением, решился объявить себя на стороне юного государя, обвинил Голицына в лихоимстве и остался гетманом.

Утвержденный в сем достоинстве, Мазепа всячески старался снискать благоволение российского монарха. Он участвовал в азовском походе; во время путешествия Петра

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru

по чужим краям счастливо воевал с крымцами и один из первых советовал разорвать мир с шведами. В словах и поступках он казался самым ревностным поборником выгод России, изъявлял совершенное покорство воле Петра, предупреждал его желания, и в 1701 году, когда буджакские и белгородские татары просили его о принятии их в покровительство, согласно с древними обычаями Козаков, "прежние козацкие обыкновения миновались, - отвечал он депутатам, - гетманы ничего не делают без повеления государя". В письмах к царю Мазепа говорил про себя, что он один и что все окружающие его недоброжелательствуют России; просил, чтоб доставили ему случай показать свою верность, позволив участвовать в войне против шведов, и в 1704 году, после похода в Галицию, жаловался, что король Август держал его в бездействии, не дал ему способов к оказанию важных услуг русскому царю. Петр, плененный его умом, познаниями и довольный его службою, благоволил к гетману особенным образом. Он имел к нему неограниченную доверенность, осыпал его милостями, сообщал ему самые важные тайны, слушал его советов. Случалось ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его в измене, государь велел отсылать их в Малороссию и судить как ябедников, осмелившихся поносить достойного повелителя Козаков. Еще в конце 1705 года Мазепа писал к Головкину: "Никогда не отторгнусь от службы премилостивейшего моего государя". В начале 1706 года был он уже изменник.

Несколько раз уже Станислав Лещинский подсылал к Мазепе поверенных своих с пышными обещаниями и убеждениями преклониться на его сторону, но последний отсылал всегда сии предложения Петру. Замыслив измену, повелитель Малороссии почувствовал необходимость притворства. Ненавидя россиян в душе, он вдруг начал обходиться с ними самым приветливым образом; в письмах своих к государю уверял он более чем когда-нибудь в своей преданности, а между тем потаенными средствами раздувал между козаками неудовольствие против России. Под предлогом, что козаки ропщут на тягости, понесенные ими в прошлогодних походах и в крепостных работах, он распустил войско, вывел из крепостей гарнизоны и стал укреплять Батурин; сам Мазепа притворился больным, слег в постель, окружил себя докторами, не вставал с одра по несколько дней сряду, не мог ни ходить, ни стоять, и в то время, как все полагали его близким ко гробу, он приводил в действие свои намерения: переписывался с Карлом XII и Лещинским, вел по ночам переговоры с присланным от Станислава иезуитом Зеленским о том, на каких основаниях сдать Малороссию полякам, и отправлял тайных агентов к запорожцам с разглашениями, что Петр намерен истребить Сечу и чтоб они готовились к сопротивлению. Гетман еще более начал притворяться по вступлении Карла в Россию. В 1708 году болезнь его усилилась. Тайные пересылки с шведским королем и письма к Петру сделались чаще. Карла умолял он о скорейшем прибытии в Малороссию и избавлении его от ига русских, и в то же время писал к графу Гавриле Ивановичу Головкину, что никакие прелести не могут отторгнуть его от высокодержавной руки царя русского и поколебать недвижимой его верности. Между тем шведы были разбиты при Добром и Лесном, и Карл обратился в Украину. Петр повелел гетману следовать к Киеву и с той стороны напасть на неприятельский обоз; но Мазепа не двигался из Борзны; притворные страдания его час от часу усиливались; 22 октября 1708 г. писал он еще к графу Головкину, что он не может ворочаться без пособия своих слуг, более 10 дней не употребляет пищи, лишен сна и, готовясь умереть, уже соборовался маслом, а 29, явившись в Горках с 5000 Козаков, положил к стопам Карла XII булаву и бунчук, в знак подданства и верности.

Что побудило Мазепу к измене? Ненависть ли его к русским, полученная им еще в детстве, во время его пребывания при польском дворе? Любовная ли связь с одною из родственниц Станислава Легцинского, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, как некоторые полагают, любовь к отечеству, внушившая ему неуместное опасение, что Малороссия, оставшись под владычеством русского царя, лишится прав своих? Но в современных актах ее не вижу в поступке гетмана Малороссии сего возвышенного чувства, предполагающего отвержение от личных выгод и пожертвование собою пользе сограждан. Мазепа в универсалах и письмах своих к козакам клялся самыми священными именами, что действует для их блага; но в тайном договоре с Станиславом отдавал Польше Малороссию и Смоленск с тем, чтоб его признали владетельным князем полоцким и витебским. Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для сокрытия своего вероломства, и мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя предательством двигаться благородным чувством любви к родине?

Генеральный судья Василий Кочубей был давно уже в несогласии с Мазепой. Ненависть его к гетману усилилась с 1704 года, после того как сей последний, во

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
зло употребляя власть свою, оболгав дочь Кочубея и, смеясь над жалобами родителей, продолжал с нею виновную связь. Кочубей поклялся отомстить Мазепе; узнав о преступных его замыслах, может быть, движимый усердием к царю, решился открыть их Петру. Согласившись с полтавским полковником Искрою, они отправили донос свой в Москву, а вскоре потом и сами туда явились; но двадцатилетняя верность Мазепы и шестьдесят четыре года жизни отдаляли от него всякое подозрение. Петр, приписывая поступок Кочубея и Искры личной ненависти на гетмана, велел отослать их в Малороссию, где сии несчастные, показав под пыткой, что их показания ложны, были казнены 14 июля 1708 года в Борщаговке, в 8 милях от Белой Церкви.

А. Корнилович

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВОЙНАРОВСКОГО

Андрей Войнаровский был сын родной сестры Мазепы, но об его отце и детстве нет никаких верных сведений. Знаем только, что бездетный гетман, провидя в племяннике своем дарования, объявил его своим наследником и послал учиться в Германию наукам и языкам иностранным. Объехав Европу, он возвратился домой, обогатив разум познанием людей и вещей. В 1705 году Войнаровский послан был на службу царскую. Мазепа поручил его тогда особому покровительству графа Головкина; а в 1707 году мы уже встречаем его атаманом пятитысячного отряда, посланного Мазепой под Люблин в усиление Меншикова, откуда и возвратился он осенью того же года. Участник тайных замыслов своего дяди, Войнаровский в решительную минуту впадения Карла XII в Украину отправился к Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведение. Но Меншиков уже был разочарован: сомнения об измене Мазепы превращались в вероятия, и вероятия склонились к достоверности – рассказы Войнаровского остались втуне. Видя, что каждый час умножается опасность его положения, не принося никакой пользы его стороне, он тайно отъехал к войску. Мазепа еще притворствовал: показал вид, будто разгневался на племянника, и, чтобы удалить от себя тягостного наживателя, – полковника Протасова, упросил его исходатайствовать лично у Меншикова прощение Войнаровскому за то, что тот уехал не простясь. Протасов дался в обман и оставил гетмана, казалось, – умирающего. Явная измена Мазепы и прилучение части козацкого войска к Карлу XII последовали за сим немедленно, и от сих пор судьба Войнаровского была нераздельна с судьбою сего славного изменника и венценосного рыцаря, который не раз посылал его из Бендер к хану крымскому и турецкому двору, чтобы восстановить их противу России. Станислав Лещинский нарек Войнаровского коронным воеводою Царства Польского, а Карл дал ему чин полковника шведских войск и по смерти Мазепы назначил гетманом обеих сторон Днепра. Однако ж Войнаровский потерял блестящую и верную надежду быть гетманом всей Малороссии, ибо намерение дяди и желание его друзей призывали его в преемники сего достоинства, отклонил от себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни беглецы, и даже откупился от оногo, придав Орлику 3000 червонных к имени гетмана и заплатив кошевому 200 червонцев за склонение Козаков на сей выбор. Наследовав после дяди знатное количество денег и драгоценных камней, Войнаровский приехал из Турции и стал очень роскошно жить в Вене, в Бреславле и Гамбурге. Его образованность и богатство ввели его в самый блестящий круг дворов германских, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется, весьма двусмысленное) с славною графиней Кенигсмарк, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де Сакс. Между тем как счастье ласкало так Войнаровского забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намереваясь отправиться в Швецию для получения с Карла занятых им у Мазепы 240 000 талеров, он приехал в 1716 году в Гамбург, где и был схвачен на улице магистратом по требованию российского резидента Беттахера. Однако ж, вследствие протестации венского двора, по правам нейтралитета, отправление его из Гамбурга длилось долго, и лишь собственная решимость Войнаровского отдаться милости Петра I предала его во власть русских. Он представился государю в день именин императрицы, и ее заступление спасло его от казни. Войнаровский был сослан со всем семейством в Якутск, где и кончил жизнь свою, но когда и как, неизвестно. Миллер, в бытность свою в Сибири в 1736 и 1737 годах, видел его в Якутске, но уже одичавшего и почти забывшего иностранные языки и светское обхождение.

Такова была жизнь Войнаровского, и нрав его виден в делах. Он был отважен, ибо Мазепа не вверил бы ему многочисленного отряда людей независимых, у коих одни личные достоинства могли скреплять власть; красноречив, что доказывают поручения от Карла XII и Мазепы; решителен и неуклончив, как это видно из размолвки его с

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
Меншиковым; наконец, ловок и обходителен, ибо тщеславие не нарекло бы его в Вене графом {в Вене называли его графом. (Прим. Рылеева.)}, если бы любезный дикарь сей не имел тонкости светской; одним словом, Войнаровский принадлежал к числу тех немногих людей; которых Великий Петр почтил именем опасных врагов. Без сомнения, Войнаровский, одаренный сильным характером, которому случай дал развернуться в такую славную эпоху, принадлежит к числу любопытнейших лиц прошлого века – лиц, равно присвоенных истории и поэзии, ибо превратность судьбы его предупредила все вымыслы романтика.

А. Бестужев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В стране метелей и снегов,
На берегу широкой Лены,
Чернеет длинный ряд домов
И юрт {1*} бревенчатые стены.
Кругом сосновый частокол
Поднялся из снегов глубоких,
И с гордостью на дикий дол
Глядят верхи церквей высоких;
Вдали шумит дремучий бор,
Белеют снежные равнины,
И тянутся кремнистых гор
Разнообразные вершины..

{* Цифры в поэме отсылают к примечаниям, приложенным Рылеевым к первой части поэмы (см. стр. 145. – Ред.)}

Всегда сурова и дика
Сих стран угрюмая природа;
Ревет сердитая река,
Бушует часто непогода,
И часто мрачны облака..

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узников тюрьмы,
Не посетит, боясь зимы
И продолжительной и хладной.
Однообразно дни ведет
Якутска житель одичалый;
Лишь раз иль дважды в круглый год,

С толпой преступников усталой,
Дружина воинов придет;
Иль за якутскими мехами,
Из ближних и далеких стран,
Приходит с русскими купцами
В забытый город караван.
На миг в то время оживится
Якутск унылый и глухой;
Все зашумит, засуетится,
Народы разные толпой:
Якут и юкагир пустынный,
Неся богатый свой ясак {2},
Лесной тунгуз и с пикой длинной
Сибирский строевой козак.

Тогда зима на миг единый
От мест угрюмых отлетит,
Безмолвный лес заговорит,
И чрез зеленые долины
По камням Лена зашумит.
Так посещает в подземелье
Почти убитого тоской
Страдальца-узника порой
Души минутное веселье
Так в душу мрачную влетит
Подчас спокойствие ошибкой
И принужденною улыбкой
Чело злодея прояснит...

Но кто украдкой из дому
В тумане раннею порой
Идет по берегу крутому
С винтовкой длинной за спиной;
В полукафтанье, в шапке черной
И перетянут кушаком,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
Как стран Днепра козак проворный

В своем наряде боевом?
Взор беспокойный и угрюмый,
В чертах суровость и тоска,
И на челе его слегка
Тревожные рисует думы
Судьбы враждующей рука.
Вот к западу простер он руки;
В глазах вдруг пламень засверкал,
И с видом нестерпимой муки,
В волненье сильном он сказал:

"О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святыя,
Изгнаннику не обнимать.
Горит напрасно пламень пылкий,
я не могу полезным быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мне суждено в тоске изныть.

О край родной! Поля родные!
Мне вас уж боле не видать;
Вас, гробы праотцев святыя,
Изгнаннику не обнимать".
Сказал; пошел по косогору;
Едва приметною тропой
Поворотил к сырому бору
И вот исчез в глуши лесной.
Кто ссыльный сей, никто не знает;
Давно в страну изгнанья он,
Молва народная вещает,
В кибитке крытой привезен.
Улыбки не видать приветной
На незнакомце никогда,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
И поседели уж приметно

Его и ус и борода.

Он не варнак; смотри: не видно
Печати роковой на нем,
Для человечества постыдной,
В чело клейменной палачом.
Но вид его суровой вдвое,
Чем дикий вид чела с клеймом;
Покоен он – но так в покое
Байкал {4} пред бурей мрачным днем,
Как в час глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей месяц спит,
Могильный огонек горит, –
Так незнакомца блещут очи.
Всегда дичится и молчит,
Один, как отчужденный, бродит,
Ни с кем знакомства не заводит,
На всех сурово он глядит...

В стране той хладной и дубравной
В то время жил наш Миллер {5} славный:
В укромном домике, в тиши,
Работал для веков в глуши,
С судьбой боролся своенравной
И жажду утолял души.
Из родины своей далекой
В сей край пустынный завлечен
К познаниям страстию высокой,
Здесь наблюдал природу он.
В часы суровой непогоды
Любил рассказы стариков
Про Ермака и Козаков,
Про их отважные походы
По царству хлада и снегов.
Как часто, вышедши из дому,

Бродил по целым он часам
По океану снеговому
Или по дебрям и горам.
Следил, как солнце, яркий пламень
Разлив по тверди голубой,
На миг за Кангалацкий камень
Уходит летнею порой.
Все для пришельца было ново:
Природы дикой красота,
Климат жестокий и суровый
И диких нравов простота.

Однажды он в мороз трескучий,
Оленя гнав с сибирским псом,
Вбежал на лыжах в лес дремучий-
И мрак и тишина кругом!
Повсюду сосны вековые
Иль кедры в инее седом;
Сплелися ветви их густые
Непроницаемым шатром.
Не видно из лесу дороги...
Чрез хворост, кочки и снега
Олень несется быстроногий,
Закинув на спину рога,
Вдали меж; соснами мелькает.
Летит!.. Вдруг выстрел!.. Быстрый бег
Олень внезапно прерывает...
Вот зашатался - и на снег
Окровавленный упадает.
Смущенный Миллер робкий взор
Туда, где пал олень, бросает,
Сквозь чащу, ветви, дичь и бор,
И зрит: к оленю подбегает
С винтовкой длинною в руке,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
Окутанный дохю {6} черной

И в длинношерстном чебаке {7},
Охотник ловкий и проворный...

То ссыльный был. Угрюмый взгляд,
Вооруженье и наряд

И незнакомца вид унылый -
Все душу странника страшило.

Но, трепеща в глуши лесной
Блуждать один, путей не зная,
Преодолел он ужас свой

И быстрой полетел стрелой,
Бег к незнакомцу направляя.

"Кто б ни был ты, - он так сказал, -

Будь мне вожатым, ради бога;

Гнав зверя, я с тропы сбежал

И в глушь нечаянно попал;

Скажи, где на Якутск дорога?"

- "Она осталась за тобой,

За час отсюда, в ближнем доле;

Кругом всё дичь и лес густой,

И вряд ли до ночи глухой

Успеешь выбраться ты в поле;

Уже вечерняя пора...

Но мы вблизи заимки {8} скудной:

Пойдем - там в юрте до утра

Ты отдохнешь с охоты трудной".

Они пошли. Все глуше лес,

Все реже виден свод небес...

Погасло дневное светило;

Настала ночь... Вот месяц всплыл,

И одинокий и унылый,

Дремучий лес осеребрил

И юрту путникам открыл.

Пришли - и ссыльный, торопливо

Вошел в угрюмый свой приют,
Вдруг застучал кремнем в огниво,
И искры сыпались на трут,
Мрак освещая молчаливый,
И каждый в сталь удар кремня
В углу обители пустынной
То дуло озарял ружья,
То ратовище пальмы {9} длинной,
То саблю, то конец копья.
Глаз с незнакомца не спуская,
Близ двери Миллер перед ним,
В душе невольный страх скрывая,
Стоит и нем и недвижим...
Вот, вздув огонь, пришлец суровый
Проворно жирник {10} засветил,
Скамью придвинул, стол сосновый
Простою скатертью накрыл
И с лаской гостя посадил.
И вот за трапезою сытной,
В хозяина вперяя взор,
Заводит странник любопытный
С ним о Сибири разговор.
В какое ж Миллер удивленье
Был незнакомцем приведен, -
И кто бы не был поражен:
Стран европейских просвещение
В лесах сибирских встретил он!
Покинув родину, с тоскою
Два года Миллер, как чужой,
Бродил бездомным сиротою
В стране забытой и глухой,
Но тут, в пустыне отдаленной,
Он неожиданно, в глуши,
Впервые мог тоску души

Отвести беседой просвещенной.

При строгой важности лица,

Слова, высоких мыслей полны,

Из уст седого пришлеца

В избытке чувств текли, как волны.

В беседе долгой и живой

Глаза у обоих сверкали;

Они друг друга понимали

И, как друзья, в глуши лесной

Взаимно души открывали.

Усталый странник позабыл

И поздний час, и сон отрадней,

И, слушать незнакомца жадней,

Казалось, весь вниманье был.

"Ты знать желаешь, добрый странник,

Кто я и как сюда попал? -

Так незнакомец продолжал: -

Того до сей поры изгнанник

Здесь никому не поверял.

Иных здесь чувств и мнений люди:

Они не поняли б меня,

И повесть мрачная моя

Не взволновала бы их груди.

Тебе же тайну вверю я

И чувства сердца обнаружу, -

Ты в родине, как должно мужу,

Наукой просветил себя.

Ты все поймешь, ты все оценишь

И несчастливцу не изменишь...

Дивись нее, странник молодой,

Как гонит смертных рок свирепый:

В одежде дикой и простой,

Узнай, сидит перед тобой

И друг и родственник Мазепы! {11}

я Войнаровский. Обо мне
и о судьбе моей жестокой
Ты, может быть, в родной стране
Слышал не раз, с тоской глубокой...

Ты видишь: дик я и угрюм,
Брожу, как остов, очи впали,
и на челе бразды печали,
Как отпечаток тяжких дум,
Страдальцу вид суровый дали.
Между лесов и грозных скал,
Как вечный узник, безотраден,
я одряхлел, я одичал,
и, как климат сибирский, стал
в своей душе жесток и хладен.
Ничто меня не веселит,
Любовь и дружество мне чужды,
Печаль свинцом в душе лежит,
Ни до чего нет сердцу нужды.
Бегу, как недруг, от людей;
я не могу снести их вида:
Их жалость о судьбе моей
Мне нестерпимая обида.
кто брошен в дальние снега
За дело чести и отчизны,
Тому сноснее укоризны,
чем сожаление врага.

...

и ты печально не гляди,
не изъявляй мне сожаленье,
и так жестоко не буди
в моей измученной груди
Тоски, уснувшей на мгновенье.

Признаться ль, странник: я б желал,

Чтоб люди узника чуждались,

Чтоб взгляд мой душу их смущал,

Чтобы меня средь этих скал,

Как привидения, пугались.

Ах! может быть, тогда покой

Сдружился бы с моей душой...

Но знал и я когда-то радость,

И от души людей любил,

И полной чашею испил

Любви и тихой дружбы сладость.

Среди родной моей земли,

На лоне счастья и свободы,

Мои младенческие годы

Ручьем игривым протекли;

Как легкий сон, как привиденье,

За ними радость на мгновенье,

А вместе с нею суеты,

Война, любовь, печаль, волнение

И пылкой юности мечты.

Враг хищных крымцев, враг поляков,

Я часто за Палеем {12} вслед,

С ватагой {13} храбрых гайдамаков {14},

Искал иль смерти, иль побед.

Бывало, кони быстроноги

В степях и диких и глухих,

Где нет жилья, где нет дороги,

Мчат вихрем всадников лихих.

Дыша любовью к дикой воле,

Бодры и веселы без сна,

Мы воздухом питались в поле

И малой горстью толокна {15}.

В неотразимые наезды

Нам путь указывали звезды,

Иль шумный ветер, иль курган;

И мы, как туча громовая,
Внезапно и от разных стран,
Пустыню воплем оглашая,
На вражий наезжали стан,
Дружины грозные громили,
Селения и грады в прах,
И в земли чуждые вносили
Опустошение и страх.

Враги везде от нас бежали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
У нас сомнительный союз.

Однажды, увлечен отвагой,
я, с малочисленной ватагой
Неустрасимых удальцов,
Ударил на толпы врагов.
Бой длился до ночи. Поляки
Уже смешались в рядах
И, строясь дале, на холмах,
Нам уступали поле драки.
Вдруг слышим крымцев дикий глас...
Поля и стонут и трясутся...
Глядим - со всех сторон на нас
Толпы враждебные несутся...
В одно мгновенье тучи стрел
В дружину нашу засвистали;
Вотще я устоять хотел, -
Враги все боле нас стесняли,
И, наконец, покинув бой,
Мы степью дикой и. пустой
Рассыпались и побежали...
Погоню слыша за собой,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
и раненый и изнуренный,

я на коне летел стрелой,
Страшася в плен попасть презренный.

Уж Крыма хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежом родной страны
Уж хутора {16} вдали мелькали.
Уж в куренях {17} я зрел огонь,
Уже я думал – вот примчался!
Как вдруг мой изнуренный конь
Остановился, зашатался
и близ границ страны родной
На землю грянулся со мной...

Один, вблизи степной могилы {18},
С конем издохнувшим своим,
Под сводом неба голубым
лежал я мрачный и унылый.
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла...
напрасно, помощь призывай,
я слабый голос подавал;
В степи пустынной исчезая,
Едва родясь, он умирал.

Все было тихо... Лишь могила
Уныло с ветром говорила.
И одинока и бледна,
Плыла двурогая луна
и озаряла сумрак ночи.
я без движения лежал;
Уж я, казалось, замирал;
Уже, заглядывая в очи,
Над мною хищный вран летал...
Вдруг слышу шорох за курганом

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев r1leyev.ru

И зрю: покрытая серпяном,

Козачка юная стоит,

Склоняясь робко надо мною,

И на меня с немой тоскою

И нежной жалостью глядит.

О незабвенное мгновенье!

Воспоминанье о тебе,

Назло враждующей судьбе,

И здесь страдальцу упоенье!

Я не забыл его с тех пор:

Я помню сладость первой встречи,

Я помню ласковые речи

И полный состраданья взор.

Я помню радость девы неясной,

Когда страдалец безнадежный

Был под хранительную сень

Снесен к отцу ее в курень.

С какой заботою ходила

Она за страждущим больным;

С каким участием живым

Мои желанья ловила.

Я все утехи находил

В моей козачке черноокой;

В ее словах я негу пил

И облегчал недуг жестокий.

В часы бессонницы моей

Она, прикинувшись к изголовью,

Сидела с тихою любовью

И не сводя с меня очей.

В час моего успокоенья

Она ходила собирать.

Степные травы и коренья,

Чтоб ими друга врачевать.

Как часто неясно и приветно

На мне прекрасный взор бродил,
И я козачку неприметно
Душою пылкой полюбил.
В своей невинности сначала
Она меня не понимала;
Я тосковал, кипела кровь!
Но скоро пылкая любовь
И в милой деве запылала...
Настала счастья пора!
Подругой юной исцеленный,
С душой, любовью упоенной,
Я обновленный встал с одра.
Недолго мы любовь таили,
Мы скоро жар сердец своих
Ее родителям открыли
И на союз сердец просили
Благословения у них.
Три года молнией промчались
Под кровом хижины простой;
С моей подругой молодой
Ни разу мы не разлучались.
Среди пустынь, среди степей,
В кругу резвящихся детей,
На мирном лоне сладострастья,
С козачкой милою моей
Вполне узнал я цену счастья.
Угрюмый гетман нас любил,
Как дед, дарил малюток милых
И, наконец, из мест унылых
В Батурын нас переманил.

Все шло обычной чередой.
Я счастлив был; но вдруг покой
И счастье мое сокрылось:

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев r1leyev.ru
Нагрянул Карл на Русь войной -

Все на Украине ополчилось,
С весельем все летят на бой;
Лишь только мраком и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Из-под бровей нависших стал
Сверкать какой-то пламень дикий;
Угрюмый с нами, он молчал
И равнодушнее внимал
Полков приветственные клики.

Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался, -
Мазепа ото всех скрывался,
Молчал - и собирал полки.
Однажды позднью порою
Он в свой дворец меня призвал.
Вхожу - и слышу: "Я желал
Давно беседовать с тобою;
Давно хотел открыться я
И важную поверить тайну;
Но наперед заверь меня,
Что ты, при случае, себя
Не пожалеешь за Украину".
"Готов все жертвы я принести, -
Воскликнул я, - стране родимой;
Отдам детей с женой любимой;
Себе одну оставлю честь".
Глаза Мазепы засверкали,
Как пред рассветом ночи мгла,
С его угрюмого чела
Сбежало облако печали.
Сжав руку мне, он продолжал:
"Я зрю в тебе Украины сына;
Давно прямого гражданина

я в Войнаровском угадал.
я не люблю сердец холодных:
Они враги родной стране,
Враги священной старине, -
Ничто им бремя бед народных.
Им чувств высоких не дано,
В них нет огня душевной силы,
От колыбели до могилы
Им пресмыкаться суждено.
Ты не таков, я это вижу;
Но чувств твоих я не унижу,
Сказав, что родину мою
я более, чем ты, люблю.
Как должно юному герою,
Любя страну своих отцов,
Женой, детьми и собою
Ты ей пожертвовать готов...
Но я, но я, пылая мезтью,
Ее спасая от оков,
я жертвовать готов ей честью.
Но к тайне приступить пора.
я чту Великого Петра;
Но - покорялся судьбине,
Узнай: я враг ему отныне!..
Шаг этот дерзок, знаю я;
От случая всему решение,
Успех не верен, - и меня
Иль слава ждет, иль поношение!
Но я решилсЯ: пусть судьба
Грозит стране родной злосчастьем, -
уж близок час, близка борьба,
Борьба свободы с самовластьем!"
началом бед моих была
сия беседа роковая!

С тех пор пора утех пропила,
С тех пор, о родина святая,
Лишь ты всю душу заняла!
Мазепе предался я слепо,
И, друг отчизны, друг добра,
Я поклялся враждой свирепой
Против Великого Петра.
Ах, может, был я в заблужденье,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточенье
Тираном почитал царя..
Быть может, увлеченный страстью,
Не мог я цену дать ему
И относил то к самовластью,
Что свет отнес к его уму.
Судьбе враждующей послушен,
Переношу я жребий свой,
Но, ах! вдали страны родной,
Могу ль всегда быть равнодушен?
Рожденный с пылкою душой,
Полезным быть родному краю,
С надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
В стране пустынной и чужой.
Как тень, везде тоска за мною,
Уж гаснет огонь моих очей.
И таю я, как лед весною
От распалющихся лучей.
Душе честолюбивой бремя
вести с бездействием борьбу;
Но как ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу!
Судьбу – всю жизнь влача в кручине,
Тая тоску в душе своей,

Зреть гроб в безбрежной сей пустыне,
Далёко от родных степей..
Почто, почто в битве кровавой,
Летая гордо на коне,
Не встретил смерти под Полтавой?
Почто с бесславием иль славой
я не погиб в родной стране?
Увы! умру в сем царстве ночи!
Мне так сулил жестокий рок;
Умру я - и чужой песок
Изгнанника засыплет очи!"

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уж было ясно и светло,
Мороз стрелял в глуши дубравы,
По небу серому текло
Светило дня, как шар кровавый.
Но в юрту день не проникал;
Скользя сквозь ветви древ густые,
Едва на окна ледяные
Луч одинокий ударял.
Знакомцы новые сидели
Уже давно пред очагом;
Дрова сосновые дотлели,
Лишь угли красные блестели
Порою синим огоньком.
Недвижно добрый странник внемлет
Страдальца горестный рассказ,
И часто гнев его объемлет
Иль слезы падают из глаз..
"Видал ли ты, когда весной,
Освобожденная из плена,
В брегах крутых несется Лена,
Когда, гоня волну волной

И разрушая все преграды,
Ломает льдистые громады
Иль, поднимая дикий вой,
Клубится и бугры вздымает,
Утесы с ревом отторгает
И их уносит за собой,
Шумя, в неведомые степи?
Так мы, свои разрушив цепи,
На глас отчизны и вождей,
Ниспровергая все препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческих степей.
Летая за гремящей славой,
Я жизни юной не щадил,
Я степи кровью обагрил
И свой булат в войне кровавой
О кости русских притупил.

Мазепа с северным героем
Давал в Украине бой за боем.
Дымились кровию поля,
Тела разбросанные гнили,
Их псы и волки теребили;
Казалась трупом вся земля!
Но все усилья тщетны были:
Их ум Петров преодолел;
Час битвы роковой приспел –
И мы отчизну погубили!
Полтавский гром загрохотал...
Но в грозной битве Карл свирепый
Против Петра не устоял!
Разбит, впервые он бежал;
Вослед ему – и мы с Мазепой.
Почти без отдыха пять дней
Бежали мы среди степей,

Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались нам.
Дрожа от стужи по ночам,
Изнемогая в день от зноя,
Едва сидели мы верхом..
Однажды в полночь под леском
Мы для минутного покоя
Остановились за Днепром.
Вокруг синела степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумела в берегах река.
На войлоке простом и грубом,
Главою на седло склонен,
Усталый Карл дремал под дубом,
Толпами ратных окружен.
Мазепа пред костром сосновым,
Вдали, на почерневшем пне,
Сидел в глубокой тишине
И с видом мрачным и суровым,
Как другу, открывался мне:

"О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага:
Уже настал конец борьбе.
Одно мгновенье все решило,
Одно мгновенье погубило
Навек страны моей родной
Надежду, счастье и покой..
Но мне ли духом унижаться?
Не буду рока я рабом;
Мазепе ль с роком не сражаться,

Когда сражался я с Петром?

Так, Войнаровский, испытаю,
Покуда длится жизнь моя,
Все способы, все средства я,
Чтобы помочь родному краю.
Спокоен я в душе своей:
И Петр и я – мы оба правы;
Как он, и я живу для славы,
Для пользы родины моей".

Замолкнул он; глаза сверкали;
Дивился я его уму.
Дрова, треща, уж догорали.
Мазепа лег, но вдруг к нему
Двух пленных козаки примчали.
Облокотяся, вождь седой,
Волнуем тайно мрачной думой,
Спросил, взглянув на них угрюмо:
"что нового в стране родной?"

"я из Батурина недавно, –
Один из пленных отвечал, –
Народ Петра благословлял
И, радуясь победе славной,
На стогнах шумно пировал.
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду;
Дворец твой, взятый на копье,
Был предан нам на расхищенье,
И имя славное твое
Теперь – и брань и поношенье!"

В ответ, склонив на грудь главу,
Мазепа горько улыбнулся;
Прилег, безмолвный, на траву
И в плащ широкий завернулся.

Мы все с участием живым,
За гетмана пылая местию,
Стояли молча перед ним,
Поражены ужасной вестью.
Он приковал к себе сердца:
Мы в нем главу народа чтили,
Мы обожали в нем отца,
Мы в нем отечество любили.
Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украины
Иль в ней себе воздвигнуть трон, -
Мне гетман не открыл сей тайны.
Ко нраву хитрого вождя
Успел я в десять лет привыкнуть;
Но никогда не в силах я
Был замыслов его проникнуть.
Он скрытен был от юных дней,
И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю.
Но знаю то, что, затая
Любовь, родство и глас природы,
Его сразил бы первый я,
Когда б он стал врагом свободы.
С рассветом дня мы снова в путь
Помчались по степи унылой.
Как тяжело взволновалась грудь,
Как сердце юное заныло,
Когда рубеж страны родной
Узрели мы перед собой!

В волненье чувств, тоской томимый,
Я, как ребенок, зарыдал
И, взявши горсть земли родимой,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
К кресту с молитвой привязал.

"Быть может, – думал я, рыдая, –

Украины мне уж не видать!

Хоть ты, земля родного края,

Меня в чужбине утешая,

От грусти будешь врачевать,

Отчизну мне напоминая..."

Увы! предчувствие сбылось:

Судьбы веленьем самовластной

С тех пор на родине прекрасной

Мне побывать не довелось...

В стране глухой, в стране безводной,

Где только изредка ковыль

По степи стелется бесплодной,

Мы мчались, поднимая пыль.

Коней мы вовсе изнурили,

Страдал увенчанный беглец,

И с горстью шведов наконец

В Бендеры к туркам мы вступили.

Тут в страшный недуг гетман впал;

Он непрестанно трепетал,

И, взгляд кругом бросая быстрый,

Меня и Орлика он звал

И, задыхаясь, уверял,

Что Кочубея видит с Искрой.

"Вот, вот они!.. При них палач! –

Он говорил, дрожа от страху: –

Вот их взвели уже на плаху,

Кругом стенания и плач...

Готов уж исполнитель муки;

Вот засучил он рукава,

Вот взял уже секиру в руки...

Вот покати́лась голова...

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев r1leyev.ru
И вот другая!.. Все трепещут!

Смотри, как страшно очи блещут!.."

То в ужасе порой с одра
Бросался он в мои объятия:
"Я вижу грозного Петра!
я слышу страшные проклятья!
Смотри: блестит свечами храм,
С кадилъниц вьется фимиам..
Митрополит, грозящий взором,
Так возглашает с громким хором:
"Мазепа проклят в род и род:
Он погубить хотел народ!"

То, трепеща и цепенея,
Он часто зрел в глухую ночь
жену страдальца Кочубея
и обольщенную их дочь.
В страданьях сих изнемогая,
Молитву громко он читал,
То горько плакал и рыдал,
То, дикий взгляд на всех бросая,
Он, как безумный, хохотал.
То, в память приходя порою,
Он очи, полные тоскою,
На нас уныло устремлял.

В девятый день приметно стало
Страдальцу под вечер трудней;
Изнеможенный и усталый,
Дышал он реже и слабей;
Томим болезнию своей,
Хотел он скрыть, казалось, муку..
К нему я бросился, взял руку, -
увы! она уже была
И холодна и тяжела!

Глаза, остановись, смотрели,
Пот проступал, он отходил...
Но вдруг, собрав остаток сил,
Он приподнялся на постели
И, бросив пылкий взгляд на нас:
"О Петр! О родина!" – воскликнул.
Но с сим в страдальце замер глас,
Он вновь упал, головой поникнул,
В меня недвижный взор вперил
И вздох последний испустил...
Без слез, без чувств, как мрамор холодный,
Перед умершим я стоял.
Я ум и память потерял,
Убитый грустью безотрадной...

День грустных похорон настал:
Сам Карл, и мрачный и унылый,
Вождя Украины до могилы
С дружиной шведов провожал.
Козак и швед равно рыдали;
Я шел, как тень, в кругу друзей.
О странник! Все предузнавали,
Что мы с Мазепой погребали
Свободу родины своей.
Увы! последний долг герою
Чрез силу я отдать успел.
В тот самый день внезапно мною
Недуг жестокий овладел.
Я был уж на краю могилы;
Но жизнь во мне зажглась опять,
Мои возобновились силы,
И снова начал я страдать.
Бендеры мне противны стали,
Я их покинул и летел

От земляков в чужой предел,

Рассеять мрак своей печали.

Но, ах, напрасно! Рок за мной

С неотразимой бедой,

Как дух враждующий, стремился:

я схвачен был толпой врагов -

и в вечной ссылке очутился

Среди пустынных сих лесов...

Уж много лет прошло в изгнание.

В глухой и дикой стороне

Спасение и упование

Была святая вера мне.

я привыкал к несчастной доле;

Лишь об Украине и родных,

Украдкой от врагов моих,

Грустил я часто поневоле.

Что случилось с родиной моей?

Кого в Петре - врага или друга

Она нашла в беде своей?

Где слезы льет моя подруга?

Увижу ли я своих друзей?..

Так я души покой минутный

В своем изгнание возмущал

и от тоски и думы смутной,

Покинув город неприютный,

в леса и дебри убегал.

В моей тоске, в моем несчастье,

мне был отраден шум лесов,

Отрадно было мне ненастье,

и вой грозы, и плеск валов.

Во время бури заглушала

Борьба стихий борьбу души;

Она мне силы возвращала,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев r1leyev.ru

И на мгновение, в глуши,

Душа страдать переставала.

Раз у якутской юрты я

Стоял под сосной одинокой;

Буран шумел вокруг меня,

И свирепел мороз жестокой;

Передо мной скалы и лес

Грядой тянулись безбрежной;

Вдали, как море, с степью снежной

Сливался темный свод небес.

От юрты вдаль тальник кудрявый

Под снегом стлался, между гор

В боку был виден черный бор

И берег лены величавый.

Вдруг вижу: женщина идет,

Доход убогою прикрыта,

И связку дров едва несет,

Работой и тоской убита.

Я к ней, и что же?.. Узнаю

В несчастной сей, в мороз и вьюгу,

Козачку юную мою,

Мою прекрасную подругу!..

Узнав об участи моей,

Она из родины своей

Пошла искать меня в изгнание.

О странник! Тяжко было ей

Не разделять со мной страданье.

Встречала много на пути

Она страдальцев знаменитых,

Но не могла меня найти:

Увы! я здесь в числе забытых.

Закон велит молчать, кто я,

Начальник сам того не знает.

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
Об том и спрашивать меня

Никто в Якутске не дерзает.

И добрая моя жена,
Судьбой гонимая жестокой,
Была блуждать осуждена,
Тая тоску в душе высокой.

Ах, говорить ли, странник мой,
Тебе об радости печальной
При встрече с доброю женой
В стране глухой, в стране сей дальней?
Я ожил с нею; но детей
Я не нашел уже при ней.
Отца и матери страданья
Им не судил узнать творец;
Они, не зрев страны изгнанья,
Вкусили радостный конец.

С моей подругой возвратилось
Душе спокойствие опять:
Мне будто легче становилось;
Я начал реже тосковать.
Но, ах! не долго счастье длилось,
Оно, как сон, исчезло вдруг.
Давно закравшийся недуг
В младую грудь подруги милой
С весной приметно стал сближать
Ее с безвременной могилой.
Тут мне судил творец узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдальцы несчастной.
Болезнию изнурена,
С какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,

О прежних говорила днях,
О славном дяде, о детях.
К ней жизнь, казалось, возвращалась
С порывом пылких чувств ея;
Но часто, тайно от меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
я небеса молил напрасно –
Судьбы ничем не отвратить.
Настал для сердца час ужасный!
"Мой друг! – сказала мне она. –
я умираю, будь покоен;
Нам здесь печаль была дана;
Но, друг, есть лучшая страна:
Ты по душе ее достоин.
О! там мы свидимся опять!
Там ждет награда за страданья,
Там нет ни казней, ни изгнанья,
Там нас не будут разлучать".
Она умолкла. Вдруг приметно
Стал угасать огонь очей.
И, наконец, вздохнув сильней,
Она с улыбкою приветной
Увяла в цвете юных лет,
Безвременно, в Сибири хладной,
Как на иссохшем стебле цвет
В теплице душной, безотрадной.

Могильный, грустный холм ея
Близ юрты сей насыпал я.
С закатом солнца я порою
На нем в безмолвии сажу
И чудотворною мечтою
Лета протекшие бужу.

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
Все воскресает предо мною:

Друзья, Мазепа, и война,
И с чистою своею душою
Невозвратимая жена.

О странник! Память о подруге
Страдальцу бодрость в душу льет;
Он равнодушной смерти ждет
И плачет сладостно о друге.

Как часто вспоминаю я
Над хладною ее могилой
И свойства добрые ея,
И пылкий ум, и образ милой!

С какою страстию она,
Высоких помыслов полна,
Свое отечество любила.

С какою живостью об нем,
В своем изгнанье роковом,
Она со мною говорила!

Неутолимая печаль
Ее, тягча, снедала тайно;
Ее тоски не зрел москаль –
Она ни разу и случайно
Врага страны своей родной
Порадовать не захотела
Ни тихим вздохом, ни слезой.

Она могла, она умела
Гражданкой и супругой быть
И жар к добру души прекрасной,
В укор судьбине самовластной,
В самом страданье сохранить.

...

С утратой сей, от бед усталой,
С душой для счастья увялой,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев r1leyev.ru
я веру в счастье потерял;

я много горя испытал,
но, тяжелой жизнью недовольный,
как трус презренный, не искал
спасенья в смерти самовольной.
не раз встречал я смерть в боях;
она кругом меня ходила
и груды трупов громоздила
в родных украинских степях.
но никогда, ей в очи глядя,
не содрогнулся я душой;
не забывал, стремяся в бой,
что мне Мазепа друг и дядя.
читать Брута с детства я привык:
защитник Рима благородный,
душою истинно свободный,
делами истинно велик.
но он достоин укоризны:
свободу сам он погубил -
он торжество врагов отчизны
самоубийством утвердил.
ты видишь сам, как я страдаю,
как жизнь в изгнанье тяжела;
мне б смерть отрадою была, -
но жизнь и смерть я презираю..
мне надо жить; еще во мне
горит любовь к родной стране, -
еще, быть может, друг народа
спасет несчастных земляков,
и, достояние отцов,
воскреснет прежняя свобода!.."
тут войнаровский замолчал;
с лица исчезнул мрак печали,
глаза слезами засверкали,

Войнаровский. Кондратий Федорович Рылеев rileyev.ru
И он молиться тихо стал.

Гость просвещенный угадал,
Об чем страдалец сей молился;
Он сам невольно прослезился
И несчастливцу руку дал,
В душе с тоской и грустью сильной
В знак дружбы верной, домогильной...

Дни уходили с быстротой.
Зима обратно налетела
И хладною рукой одела
Природу в саван снеговой.
В пустыне странник просвещенный
Страдальца часто навещал,
Тоску и грусть с ним разделял
И об Украине незабвенной,
Как сын Украины, он мечтал.

Однажды он в уединенье
С отрадной вестью о прощенье
К страдальцу-другу поспешал.
Мороз трещал. Глухой тропюю
Олень пернатую стрелюю
Его на быстрой нарте мчал.
Уже он ловит жадным взором
Сквозь ветви древ, в глуши лесной,
Кров одинокий и простой
С полуразрушенным забором.

"С каким восторгом сладким я
Скажу: окончены страданья!
Мой друг, покинь страну изгнанья!
Лети в родимые края!
Там ждут тебя, в стране прекрасной,
Благословенье земляков.
И круг друзей с душою ясной,

И мирный дом твоих отцов!"
Так добрый Миллер предавался
Дорогой сладостным мечтам.
Но вот он к низким воротам
Пустынной хижины примчался.
Никто встречать его нейдет.
Он входит в двери. Луч приветный
Сквозь занесенный снегом лед
Украдкой свет угрюмый льет:
Все пусто в юрте безответной;
Лишь мрак и холод в ней живет.
"Все в запустенье! - мыслит странник. -
Куда ж сокрылся ты, изгнанник?"
И, думой мрачной отягчен,
Тревожим тайною тоскою,
Идет на холм могильный он, -
И что же видит пред собою?
Под наклонившимся крестом,
С опущенным на грудь челом,
Как грустный памятник могилы,
Изгнанник, мрачный и унылый,
Сидит на холме гробовом
В оцепененье роковом:
В глазах недвижных хлад кончины,
Как мрамор, лоснится чело,
И от соседственной долины
Уж мертвеца до половины
Пушистым снегом занесло.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://rileyev.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!